

Valentin Vydrine. Sur l'écriture mandingue et mandé en caractères arabes (mandinka, bambara, sousou, mogofin). // Mandenkan (Paris), No. 33, Printemps 1998, 87 p.

The very first detailed analysis of the characteristics of Arabic writing for Manding and Mande languages. Text are provided, together with their transcription in Roman writing and French translation. Perspectives of Arabic writings for Mande languages are considered.

Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь Антонины Ивановны Коваль. Составители В.Ф.Выдрин и А.А.Кибрик. СПб. – М.: Европейский Дом, 1998, 358 с. [La langue. L'Afrique. Les Peuls. Recueil d'articles dédiés à Antonina Koval. Editeurs : Valentin Vydrine, Andrej Kibrik. St. Petersburg – Moscou : Europeiskiy Dom, 1998, 358 p.] Contributions to this volume cover main fields of interest of Antonina Koval. There are papers on Russian linguistics and semiotics; African languages and folklore, and various aspects of Fulbe life.

Заметки о поездке в Мали (февраль–апрель 1998 г.)

Эта поездка была довольно случайной. Я узнал от коллег о «Фонде языков, находящихся под угрозой исчезновения», послал туда заявку на грант для изучения языка кагоро, и через год вдруг получил положительный ответ. Правда, денег дали в два раза меньше, чем я просил, но на билет до Бамако их было достаточно – а это главное.

Между тем, ещё летом 1997 года, мои давние знакомые из Летнего Лингвистического Института (SIL), американцы Брэд и Сю Смелъперы (муж и жена), уже десять лет изучающие в Мали язык сонинке, узнали о моём интересе к кагоро и предложили заняться этим языком вместе. Это меня очень даже устраивало: у них есть машина, да и вообще – вместе веселей, тем более что ребята они симпатичные. А когда поездка стала принимать уже вполне определённые очертания, то появился ещё один участник – студент-африканист тогдашнего второго курса, Дмитрий Идиатов. У него никакого гранта не было, но он мужественно решил пожертвовать ради науки скромными сбережениями своей семьи (благо всё это происходило задолго до 17 августа).

Для меня эта поездка – уже четвёртая (начиная с 1992 года), в какой-то мере рутинная. Но впервые я ехал не один. Так что первые недели в Мали мы решили провести в столице, Бамако, готовясь к поездке вглубь страны. Как оказалось, это было весьма разумно: адаптация Димы протекала очень непросто. Жара (в Москве в день вылета было –25, в Бамако +27), непривычная обстановка, резкие запахи и краски – всё это буквально валило с ног. Как Дима сам потом говорил – если бы была какая-то возможность вернуться домой в первые же дни, он, наверное, перед ней не устоял бы – и навсегда покончил бы с карьерой африканиста. И только через неделю-полторы он начал признавать, что и здесь можно жить, и даже находить в этой жизни какие-то радости. И даже путешествие к кагоро его уже не пугало.

Кагоро – это небольшой народ, раскиданный на территории протяжённостью примерно в 1000 км. Всего кагоро, по очень приблизительной оценке, порядка 30 тысяч человек, из них на родном языке говорит, повидимому, не больше половины. Остальные кагоро, в силу исторических обстоятельств, уже перешли на языки соседних крупных этносов – бамана и сонинке. По оценкам специалистов, в Африке граница выживаемости языка – 20 тысяч говорящих. Так что кагоро с полным правом можно отнести к умирающим языкам – тем более, что говорящие на нём разбросаны по шести зонам, контакты между которыми слабы. С лингвистической точки зрения, язык кагоро относится к западной ветви группы манден. Ближе всего он к манинка района Кита – с которым кагоро смыкается на западе. Необычным можно считать то, что язык западной ветви вклинился так далеко на восток – почти до города Сегу, исторического и культурного центра бамана. Но это дорого обошлось языку кагоро: помимо того, что он растерял своих носителей, даже те, которые остались ему верны, заимствовали большое количество баманских слов. По кагоро опубликована всего одна статья и два кратких обзора в книгах по диалектологии манден. Он не имеет в Мали какого-то официального статуса, так что ликвидировать неграмотность среди кагоро будут на языке бамана. И даже при переписи населения (а она проходила как раз на наших глазах) все кагоро были переписаны как бамана. Поэтому наше исследование можно с полным правом отнести к разделу «лингвистической скорой помощи».

План наш был простым: проехать по тем районам, в которых, по предварительным данным, могли находиться деревни кагоро; останавливаясь в одной-двух деревнях каждой из диалектных зон, собрать социолингвистическую и лингвистическую информацию по стандартным анкетам. Чем мы и занялись, выехав из Бамако в начале марта вместе с нашими американскими коллегами.

Тряская африканская дорога, всепроникающая пыль, забивающая нос и рот... Визит к главе районной администрации... Остановка в деревне, толпа её любопытных обитателей всех возрастов, вежливо-неспешная беседа с вождём, сбор словника, пополнение запасов воды... Снова дорога, ночёвка в саванне под баобабом... И так – десять дней. Для SILовцев – скорее обыденность (для них такие обзорные обследования – обычная практика первого этапа работы над новым языком), для нас – новый жизненный опыт.

Как выяснилось, деревни кагоро образуют шесть относительно компактных групп, мало общающихся между собой. Каждая такая группа говорит на своём диалекте – впрочем, различия между этими диалектами не настолько велики, чтобы препятствовать взаимопониманию. На востоке утрата языка достигла уже высокой стадии – им владеют только старики. В центре и на западе ситуация не такая критическая, но и здесь наблюдается

сильный сдвиг в пользу бамана, крупнейшего языка Мали: фактически все кагоро двуязычны, и даже многие старики считают, что их язык бесполезен (впрочем, такое они говорят только в разговорах наедине; в присутствии своих сверстников и деревенского вождя они на такие заявления не осмеливались).

Дополнительным заданием было языковое картографирование. Ведь до сих пор на языковых картах Мали зоны распространения языков даются сплошной заливкой, и даже в лучшем на сегодняшний день справочнике по языкам мира, «Ethnologue», издаваемом SIL, языковые карты Мали, Гвинеи и некоторых других стран даже при первом взгляде обнаруживают очень серьёзные неточности. По договорённости с Тэдом Бергманом, координатором обзорной работы SIL по Африке, я занимаюсь подготовкой более точной карты распространения языков манде. Так что при каждой возможности мы старались выяснить, на каком языке говорят в каждой деревне, через которую мы проезжали, а также и в соседних с ней деревнях. И нам удалось сделать обследование, пусть предварительное, довольно широкой полосы вдоль нашего маршрута. Когда же мы нанесли полученные данные на карту, то результат оказался поразительным: стало ясно, что все опубликованные до сих пор языковые карты имеют мало общего с реальностью. Сделали и небольшое «открытие» – обнаружили компактную группу манинка на западе провинции Сегу (о чём до сих пор никто в научном мире не подозревал). Так что кагоро оказался не единственным языком западной ветви манден на этом «дальнем Востоке»! Это заставляет внести некоторые коррективы в понимание этноисторических процессов исследуемого района.

Вторым этапом исследования было более подробное обследование одного из диалектов кагоро. Для этого я выбрал деревню Себекоро (центральная часть зоны кагоро, округ Колокани). Этим я занимался один: Смелъцеры спешили на семинар в Кот д'Ивуаре, а Диме надо было вернуться в Бамако, чтобы собрать материалы для курсовой работы по семантике видо-временной системы языка бамана (результаты этого его исследования оказались очень интересными и скоро будут опубликованы). Брэд Смелъцер отвёз меня в Себекоро, мы тепло попрощались, и я погрузился в деревенскую жизнь.

Утро – работа с информантом, которого мне назначил глава деревни – трёхчасовой перерыв на обед, который я использую для спешной подготовки к новому сеансу работы – ещё два часа работы с информантом – два часа на обработку собранных материалов и транскрибирование магнитофонных записей – ночь... Тут уже можно спокойно пообщаться с новыми приятелями, зайти в семьи, записать сказки. Поначалу это моё пристрастие к сказкам деревенских жителей озадачивало, но скоро они вошли во вкус, и от сказочников отбою не было. Часов в 9-10 вечера я брал под мышку свою циновку, москитную сетку и уходил спать в саванну. Ведь в деревне спать было невозможно: в помещении, накалённом за день, невыносимо жарко, а во дворе всю ночь бродят стада овец и ослов, которых никому и в голову не приходит привязывать. Недаром мой информант каждое утро клевал носом. А в саванне – прохлада, мягкий ветерок и тишина. Но деревенских знакомых это моё поведение очень смущало – за ночёвками белого человека в саванне явно скрывалась какая-то тайна. «Нчи,¹ ты что, в саванне спишь?» – спрашивала меня жена соседа. – «Да.» – «Ты что, не боишься?!» – «А чего бояться?» – «Гиен и львов!» – «Да у вас на одну гиену по пять охотников, никакого зверья и в помине не осталось.» – «А духов? Духов ты не боишься?!» – «Нет, не боюсь. Я их пока не видел.» – «Э-э, белый человек духов не боится. Он, наверное, сам дух... Скажи, Нчи, а белые люди умирают?» – «Вообще-то умирают. Но это случается редко...»

За десять дней в Себекоро мне удалось провести углублённое социолингвистическое анкетирование (языковое поведение кагоро, их отношение к родному языку и к бамана), собрать краткий словарь языка, записать несколько кассет фольклорных текстов (к сожалению, затранскрибировать удалось меньше половины). Для первого знакомства с языком этого достаточно – а большего от десятидневной работы требовать вряд ли приходится. Маленькая удача: на воскресном рынке встретил купцов из Колокани, которые ведут свои записи на бамана арабскими буквами. Это «арабо-мандингское» письмо меня интересует давно, так что текст, который они мне тут же написали, пришёлся очень кстати – он уже опубликован в № 33 парижского журнала «Mandenkan».

Прощание с новыми знакомыми, десять часов в «степном такси» – набитом людьми грузовике с крытым верхом, на крыше которого блеют бараны... Последние три дня в Бамако: «Праздник барана» (Куран-Байрам, или Табаски), прощание с друзьями, последние сеансы работы с информантами (ведь я так и не успел прояснить все накопившиеся вопросы по первому тому словаря бамана, редактуру которого я сейчас заканчиваю). Дима совсем освоился, +45 ему уже нипочём, на бамана говорит бойко – насилу я его отговорил от намерения остаться в Мали на годик, подрабатывая на жизнь кондуктором микроавтобуса-*duurunin*. Нет, пора домой! Аэропорт «Сено» – бельгийский самолёт – аэропорт Брюсселя – Москва!

Конечно, можно было бы ещё много рассказать о том, что мы успели увидеть за эти полтора месяца в Мали: грандиозный всефульбский фестиваль, распространение письма «нко» в Бамако, жизнь русских жён (их в Бамако сейчас порядка 400), противостояние правительства и оппозиции, прогресс в книгоиздании на местных языках, проблемы высшего и среднего образования, повседневная жизнь обычной малийской деревни... Но это – уже другой по объёму жанр

Валентин Выдрин

---

¹ Нчи – моё малийское имя.